

Донецк, а вместе с ним и все донецкое, в России сейчас, как говорится, в тренде. Причины безрадостные, и все же...

Общее несчастье помогло и нашей провинциальной словесности. Если она и не вышла на какой-то качественно новый уровень художествен-

ности и поэтической силы, то, по крайней мере, зазвучала громче, во всеуслышание.

Об усилении внимания к донецким авторам в последнее время свидетельствуют, например, множественные публикации «донецких» или о «донецких» в российских толстых литературных журналах. «Военная» лирика Дмитрия Трибуш-

но не дает на них ответа» (Игорь Михалевич-Капкан, Слово/Word, № 83 за 2014 год).

«В диптихе “Цхинвал” он написал строки, ставшие пророческими для самого себя и его родного города:

Теперь их лица мне знакомы,
И голоса знакомы мне,
Они весь вечер были дома,
А оказались на войне...

Многие стихи Ивана сбываются теперь. Надемся, сбудутся и эти: “Вспоминается долгое возвращение домой”» («Литературная газета», № 20 от 21 мая 2014 года).

Однако, вопреки ожиданиям, в книге совсем нет каких-то пусть и поэтически преломленных социальных рефлексий, нет злобы дня, которая потом исчезает бесследно. А что же в ней?

Одна из наиболее сильных и симпатичных, на мой взгляд, мелодических линий книги — поэтическая ностальгия, очертания безвозвратно ушедшего — детства и юности автора, проникнутые духом эпохи, уже не прошлой, а позапрошлой — эпохи 90-х. Именно за приметам старого быта скрывается духовный источник автора — поэтому и молоко в «пирамидке» на обложке. Вообще, нужно отметить яркую предметность, вещность художественного мира книги. Повсюду здесь рассыпаны своеобразные *крупницы бытия*, которые сверкают, как драгоценности, в «литературном шлаке», которого в книге тоже немало.

В процессе чтения сборника, однако, все сильнее ощущение обыгрывания этой темы в постмодернистском ключе. Погружаясь в поэтические эксперименты, Иван Волосяк как будто сознательно идет к разрушению собственной поэтики. Он чувствует, что ему тесно в «старом» своем языке, а новый еще не найден. Энтропия слова от начала к финалу все нарастает. Автор отчаянно ищет, но не всегда обретает.

Поэт делает смелую попытку соединить трудносоединимое: провинциальный сплин, ностальгию и постмодернистское ощущение реальности, причем соединить, не впадая в обычно присущую подобным попыткам иронию, стеб (удачей в этом отношении, на мой взгляд, является верлибр «Когда приезжали родственники...»).

Это выливается в стремление сделать в слове и с помощью слова как бы отпечаток настоящего. Это воплощается с помощью «прямого слова» действительности (особенно в «Текстах»), через использование характерной современной стихотворной манеры с длинными строками и дактилическими рифмами (например, стихотворение, открывающее сборник) или просто через отобра-

ного опубликована во втором номере «Дружбы народов» за 2015 год. Второй выпуск «Крещатики» за 2014 год почти весь наполнен донецкими прозаиками и поэтами (обзор этого номера уже с совсем современными акцентами можно прочесть в «Новом мире», № 3 за 2015 год). В начале осени в Москве при поддержке фонда «Русский мир» вышел многоязычный (33 автора!) сборник лирики донецких поэтов «Час мужества». Дончанка Елена Стяжкина получает «Русскую премию — 2014». В «Урале» (№ 5 за 2015 год) опубликованы «Семнадцать писем из Донецка Людмилы Квашиной», передающих внутреннее состояние донецкого интеллигента в условиях бомбежки. Наконец, укажем на свежий обзор донецкой прозы в сентябрьском выпуске «Нового мира» (статья А. Краснящих). Примеры можно множить...

Книга Ивана Волосяка «Под страхом жизни» невольно читается именно в таком ключе. Автор — выпускник донецкого филфака, не чуждый настроениям почвенничества (правда, в последней книге эти настроения разреженнее, чем обычно), поэт, в чьих стихах «местный колорит» и приметы донецкой геопэтики всегда были неотъемлемыми атрибутами. В его произведениях невольно ищешь или отклик на наши события, или их предчувствие.

На это обращали внимание и те, кто рецензировал сборник раньше.

«Я пытался найти ответы на эти вопросы (о том, что происходит в Донбассе. — О. М.) в книге своего друга “Под страхом жизни”. И не нашел. Не нашел потому, что он только ставит вопросы,

жение каких-то реалий современности: политика, магазин «Форнетти» и кофе Вуено, социальные сети, Интернет, IT-лексика и проч. Но, как ни странно, в свете быстро меняющейся действительности и нашего теперешнего состояния все это порой кажется какой-то архаикой. Этот «мир-супермаркет», который у автора довольно оригинально соединяется с темой малой родины (например, в стихотворении, посвященном Александру Кораблеву, «Пачка влажных салфеток, “Донецкие новости”, кола...»), лишь изредка преобразуется в подлинно художественную реальность.

Иван Волосюк иногда слишком многословен и пишет, по собственному признанию, «словно врач в поликлинике, неразборчиво», его лирическое состояние бывает откровенно разреженным (поэтому «Тексты»). Иногда его стихи избыточно филологичны: здесь находят место такие слова,

как «кириллица», «контаминация» и даже «Грамматика-80». Весь этот пестрый хаос, правда, иногда оборачивается неожиданными откровениями, вроде «Майский жук одинок во вселенной...». Рядом с абсурдным в негативном смысле «Кнутом Гамсуном» оказывается замечательной силы лирический фрагмент «Вспоминается долгое возвращение домой...» с интонацией неспешной близкой беседы и проникновенного припоминания, вовлекающего в себя читателя. Найденная поэтическая интонация здесь проста и неповторима.

Для Ивана Волосюка, автора нескольких поэтических сборников, «Под страхом жизни», на мой взгляд, — книга кризиса, книга поиска подлинного себя, поиска, который неизвестно куда приведет, и — главное — самая честная из всех его книг.

Олег Миннуллин, кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности
Донецкого национального университета